

Новый взгляд на старые проблемы российской периферии¹

И. В. Троцук

Рецензия на книгу: От родовых поместий до дальневосточного гектара: нетривиальные вопросы государственного и муниципального управления. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2021. — 312 с. ISBN 978-999999-1-49-0

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-228-238

Книга «От родовых поместий до дальневосточного гектара» — сборник статей со вступительным словом научного редактора, т. е. по форме вполне традиционная для научного дискурса коллекция текстов. Но содержательно это материал, не характерный для российских научных изданий, — выпускные квалификационные работы студентов, превращенные в статьи. Российская университетская и научная среда чтит статусную дифференциацию в том смысле, что студенту сложно опубликовать статью (без соавтора с академическими регалиями) где-либо, кроме сборников конференций: «студенческие исследовательские работы нечасто появляются в публичном поле и тем более редко выходят в серьезных изданиях и поучают сколь-либо значимую огласку» (с. 6). Здесь же читатель видит коллекцию студенческих работ без предупреждений, что это не вполне научные тексты, и авторы действительно выступают как состоявшиеся исследователи — с собственными интересами, методическими предпочтениями и аналитической «оптикой». Объединяет их работы, по мнению редактора А. Позаненко (научного руководителя авторов), фокус на «русской периферии и ряде примечательных для нее явлений и процессов», благодаря чему «разнообразие тем отражает богатство социальной и политической ткани периферийной действительности» (с. 4): поселения

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

родовых поместий; ход и результаты программы «Дальневосточный гектар»; модели сохранения моногородов; причины и последствия укрупнения сельских поселений; хозяйственные практики приграничных территорий; факторы дифференциации сельскохозяйственных укладов.

Отличительная черта книги — явная и имплицитная противоречивость, которая очевидна уже в аннотации: рассматриваемые вопросы государственного и муниципального управления применительно к современной российской периферии заявлены в названии сборника как «нетривиальные» (допустим), в аннотации — как «малознакомые широкой публике» (сомнительно, учитывая, как часто и акцентированно обозначенные выше вопросы звучат в государственном дискурсе и медийном поле). Российская периферия, преимущественно сельская по характеру, — вряд ли нетривиальное или незнакомое широкой публике проблемное поле. Скорее негативные стереотипизации организации и качества жизни в сельской России («на периферии», «в глубинке» и т. д.) приводят к тому, что исследования стратегий ее выживания не распространены ни в студенческой, ни в научной среде (в отличие от тех стран, которые упоминаются в сборнике как источники моделей для российских реалий, например, Германии или Финляндии). А если проблемы негородской периферии попадают на страницы российской художественной литературы, то это, как правило, депрессивно-трагические жизнеописания бесправных и бессильных людей «на обочине жизни», а не, скажем, нейтрально-объективный контекст запутанной детективной истории².

Научный редактор книги прав в том, что сборник представляет «широкой публике работы молодых перспективных исследователей», пример которых «может простимулировать и других», но с тем, что «взгляд авторов еще не замылен, не перегружен теоретическим багажом и оттого свеж, а изложение мыслей прямое

2. См., напр.: *Гребс К.* (2019). Дневник моего исчезновения / Пер. со швед. Е. Н. Хохловой. М.: АСТ. Детективная история разворачивается в небольшой шведской деревне, где «работа осталась только у фермеров... лесопилка и мастерская закрылись, то, что от них осталось — ржавые бараки, — стоят заброшенные посреди поля» (с. 21); «большинство жителей уехали... никто не переселяется сюда... никто и пальцем не пошевелил, когда производство закрылось и деревня начала вымирать... коренные жители этих мест переживали трудные времена, но никто не пришел им на помощь» (с. 54); «продуктового магазина сейчас нет — покупателей недостаточно» (с. 59); при этом «природа роскошная, особенно летом — пасторальная идиллия с домиками, густыми лесами, теплой ясной водой озера» (с. 76); «здесь ничего не происходит» (с. 141), «много безработных» (с. 143), «умирающая деревня — предприятия закрылись... закрылась почта, детский сад, даже чертов магазин заколотили... теперь здесь нет совсем ничего, люди чувствуют себя преданными» (с. 159), «красиво, одиноко и темно... в этой дыре» (с. 289). Вполне универсальное описание сельской периферии.

и ясное» (с. 6), сложно согласиться. Действительно, и в этом достоинство статей, они имеют четкую содержательную структуру, в которой в разных сочетаниях и последовательности представлены следующие блоки: реконструкция истории становления феномена и/или обзор теоретико-методологических подходов к его изучению; анализ нормативно-правовой базы и ее изменений; статистические данные; контент-анализ медийного дискурса и/или судебной практики; описание кейсов на основе собранного экспедиционного материала (наблюдений) и интервью с представителями органов местного самоуправления и местными жителями — прежде всего чтобы сопоставить декларируемое и реальное.

Статьи начинаются с обзоров: истории движения «Звенящие кедры России» и практик «взаимодействия анастасийцев с государством в процессе создания экопоселений и поселений родовых поместий с целью проживания в условиях идеологической общности» (с. 12), в том числе в контексте становления «новых религиозных движений»; разработки государственной программы «Дальневосточный гектар» и опыта других стран по введению в сельскохозяйственный оборот малоосвоенных земель; моделей поддержки и развития моногородов — американской («сжатие экономики» моногорода до рентабельности), европейской (долгосрочная стратегия сохранения монотерриторий) и смешанной, а также их применения в советский и постсоветский периоды; истории из современной жизни общин родовых поместий на фоне действующих и искомых форматов нормативно-правового регулирования их жизни и т. д. Завершает статьи или включен в их текст иллюстративный материал — фрагменты из полевых дневников, цитаты из транскриптов интервью, кодификаторы контент-анализа.

К сожалению, даже после продуманных обзоров в текстах встречаются неоднозначные утверждения: например, каковы критерии «стабильности процесса дезурбанизации» и можно ли говорить об «оттоке населения из мегаполисов на фоне глобального запустения деревень и сельских местностей» (с. 12); оправданно ли сводить в понятие «государство» «все органы власти, в том числе муниципальные, так как органы местного самоуправления воспринимаются самими представителями поселений родовых поместий как государственная структура» (с. 13) — это противоречит нормативно-правовой базе и логике выстраивания взаимоотношений с властью (местной — по сути, твои соседи, региональной/федеральной — абстрактные чиновники где-то далеко); какой «уровень социальной активности и политической вовлеченности» признан «должным» во взаимодействии поселений родовых поместий с администрациями (с. 18), если «поселенцы в большинстве своем принимают активное экономическое и культурное участие в жизни муниципальных образований» (с. 38); некорректно называть отсутствие инфраструктуры (в частности, неразвитое транспортное сообщение) «популярной» проблемой (с. 63) и т. д. Иногда не вполне четко

определены ключевые понятия: например, в первой статье о родовых поместьях они обозначены как экопоселения, поскольку «одной из их важнейших основополагающих характеристик является экологическая направленность» (с. 16), а во второй статье, напротив, утверждается, что «поселения родовых поместий не могут приравниваться к экопоселениям», потому что «отличаются от них рядом хозяйственных характеристик (не приветствуется проживание без семьи, она должна создавать собственное «пространство любви» размером не менее 1 га, нет иерархичной системы управления, различаются трактовки идеологии анастасийства и вектора развития поселения и др.)» (с. 133-137), но при этом два понятия используются как синонимы.

Сложно согласиться и с обозначением проведенных исследований как «социальных» в силу их междисциплинарности — это классические социологические кейс-стади, которые по определению требуют тщательной проработки разных типов данных до выхода в поле и сочетания разных методик на этапах полевой работы и анализа ее результатов. Авторы, невзирая на его трудоемкость, используют «качественно-количественный интерфейс» эмпирических поисков — сочетают (контент-)анализ судебных решений (сложно сказать, насколько это показательные данные — люди часто не хотят или не могут себе позволить обратиться в суд) и материалов СМИ с изучением социальных сетей (тематических групп), проведением глубинных интервью в очном и онлайн-режиме (все же это полуформализованные интервью), стандартизированного анкетирования с помощью онлайн-форм (весьма показателен низкий отклик районных и местных администраций — они слишком загружены и/или запуганы) и полевых экспедиций. Хотя количественные данные служат грамотно выстроенным контекстом полевых исследований (сбора качественных данных), авторы все же тяготеют к «количественному» формату презентации их результатов: предпочитают перечислительные описания (нередко в абсолютных значениях — «в опросе 5 человек отметили, что упала покупательная способность», «о проблемах с коррупцией опрошенные упомянули 6 раз», «4 опрошенных упомянули об алкоголизации населения как проблеме моногородов», «о проблемах с экологией упомянули 11 раз», «26 раз опрошенные отметили сокращение социальной поддержки работников» и т. д.; или выстраивая диаграммы для незначительного числа респондентов/ответов) аналитическим обобщениям (редко встречаются типологии — основной результат качественных исследований со времен чикагской социологической школы). Но информантам предоставлено «право голоса» — приводятся многочисленные цитаты из их высказываний, в том числе сгруппированные по тематикам/проблемам.

Слишком небольшие выборки не позволяют авторам делать серьезные обобщающие выводы, поэтому некоторые констатации вызывают у читателя вопрос «и что?»: например, «по результатам опро-

са 18 человек знают о субсидиях для МСП, при этом опрошенные наиболее часто (13 ответов) указывали поддержку МСП как наиболее эффективную меру поддержки моногородов» — это весь абзац, суммирующий результаты опроса по блоку «Развитие малого и среднего предпринимательства». Авторы подводят итоги исследований скорее в перечислительном, чем в типологическом формате: например, список причин разочарования информантов в программе «Дальневосточный гектар» включает в себя «нет возможности подключить коммуникации, удаленность от города, безразличие местных властей, непрозрачность условий, обилие “серых зон”, слабая финансовая поддержка государства» (с. 72), хотя несколько вариантов пересекаются, и можно было бы объединить их в три группы барьеров — инфраструктурные, административные и информационные (по аналогии с типами проблем моногородов — технико-технологические, экономические, институциональные и социальные).

Прикладным характером дисциплины «Государственное и муниципальное управление» (все авторы — выпускники одноименной образовательной программы) научный редактор объясняет завершение статей «практически применимыми рекомендациями органам власти и изучаемым группам» (с. 6). Но это не столько рекомендации, сколько попытки их сформулировать — в идеалистическом ключе и/или повторяя, пусть и более простыми словами, стандартные бюрократические формулировки. В значительной степени такие рекомендации вытекают из выводов: например, если после полевых экспедиций автор убежден, что «местные и региональные власти не мотивированы изучать структуру локальных сообществ, потенциал их существования на сельских территориях» (с. 18) (у местных властей скорее нет кадров, ресурсов и моральных сил на такую работу), то считает необходимым «выстроить конструктивный диалог с властью... изменяя публичный образ экопоселений в положительную сторону... публикуясь в высокоцитируемых СМИ» (с. 47). Если в качестве «основной проблемы во взаимодействии между государством и поселениями родовых поместий» назван «усложненный механизм получения земель под их строительство», который «замедляет процесс освоения муниципальных территорий, которые в перспективе мог бы положительно влиять на локальную экономику и развитие местной инфраструктуры» (с. 23), то «рекомендуется... заняться решением земельного вопроса... продвижением федерального закона, который бы упрощал процесс получения земель... необходимо разработать качественный законопроект и затем внести его на рассмотрение в Государственную Думу. При условии усовершенствования на предыдущем этапе публичного образа поселений родовых поместий и наличия репутации на политической арене качественный и детально проработанный законопроект будет иметь высокие шансы на принятие» (с. 48). Это прекрасные и правильные рекомендации, но их уже давно и безуспешно пытаются реализовать.

Вывод по результатам анализа интервью о программе «Дальневосточный гектар» также вызывает вопросы: «Судя по отзывам получателей гектаров, программа для них — это удобный механизм получения бесплатного земельного участка в разумном удалении от городов. Но чтобы его закрепить и реализовать планы по его освоению, необходимо иметь знания российского законодательства. Работники администраций отмечают юридическую неграмотность сельского населения. Люди не знакомы с процедурами оформления участков, не знают своих прав и обязанностей. Можно сказать, что это главная проблема, препятствующая эффективной реализации программы» (с. 82). Во-первых, в свете перечисленных инфраструктурных, административных и информационных барьеров юридическая неграмотность сельского населения не выглядит главным препятствием для успеха программы. Во-вторых, непонятно, зачем тогда нужны администрации — если сельские жители будут настолько грамотны, что смогут решить все свои проблемы самостоятельно. Соответственно, и вывод, что «чаще всего судебные споры возникают в сфере землепользования ввиду недостаточной осведомленности граждан о своих правах и в результате проявления низкой гражданско-правовой ответственности (!), реже — по вине сотрудников уполномоченных органов, уклоняющихся от выполнения своих обязанности» (с. 85), говорит о том, что эти сотрудники не выполняют свою важнейшую обязанность — информирования и помощи населению. Повышать осведомленность граждан автор предлагает в том числе посредством «консультирования государством по части законодательства» (с. 87), но «государство» — это «сотрудники уполномоченных органов», которые уклоняются от такого консультирования. «Разработка КПЭ для органов местного самоуправления в целях повышения их трудовой мотивации» (с. 88) не изменит ситуацию, потому что у муниципалитетов просто нет необходимых кадровых и финансовых ресурсов.

Вывод по итогам оценки мер поддержки российских моногородов сводятся к необходимости «дополнительных мер» по ряду запущенных направлений работы: развитие туризма, создание экологически чистых производств, комплексные меры с необходимым финансированием, общественные работы и дистанционная занятость, развитие государственно-частного партнерства, поиск рынков сбыта, связь науки и бизнеса, повышение мобильности работников и молодежная политика (с. 116, 120). Рекомендации здесь тоже совершенно правильные³, но неконкретные (развитие инфраструктуры, мониторинг, индивидуальный подход, снижение административных барьеров и др.) — возможно, они имели бы более

3. Строительство мусороперерабатывающих заводов выбивается из общего списка, потому что эти предприятия негативно стереотипизированы в общественном мнении и, как правило, попытки их строительства наталкиваются на организованное сопротивление местного населения.

практический характер, будучи дифференцированы по обозначенным типам моногородов — с наиболее сложным социально-экономическим положением, с рисками ухудшения этого положения и со стабильной социально-экономической ситуацией.

Вызывает сомнения в реалистичности и рекомендация «внести изменения в существующее законодательство для популяризации (?) и стандартизации процедуры получения земли с целью создания родового поместья», поскольку «укрупнение сети экопоселений сможет решить сразу несколько долгосрочных проблем: гармонизация национальных и этнокультурных отношений между людьми, связанными едиными целями; предотвращение трудовой миграции за счет предоставления трудового участка, который может обеспечить продовольственным минимумом целую семью; развитие рынка экологически чистых продуктов благодаря производству, построенному на сети независимых ЛПХ и КФХ; увеличение конкурентоспособности рынка за счет множества независимых предпринимателей; создание брендов отечественной сельхозпродукции с последующими возможностями для роста реализации экспорта» (с. 145). Помимо описанных ранее организационных проблем нет уверенности в том, что общины родовых поместий в принципе готовы и хотят участвовать в чем-то подобном.

Сложно не согласиться с тем, что в обычной жизни «в большинстве своем информанты... не создают впечатления радикально настроенных сторонников единой идеологии, скорее... рационально мыслящих людей с несколько иными взглядами, нежели принято в привычном жителю города обществе» (с. 150). Но все же родовые поместья основаны именно на определенной идеологии, которую их общины пытаются воплотить в жизнь с учетом ее объективных ограничений (невозможно полностью отказаться от благ цивилизации и разорвать связи с городами)⁴. В итоге, систематизиро-

4. См., напр.: Сафронов О. В. (2007). Родовое поместье: шаг навстречу мечте. М.: «Нам захотелось претворить в своей жизни все, что так захватывающе было описано в книжках... “Звенящие кедры России”... Мы в какой-то мере уже были подготовлены к встрече с этими новыми возможностями и перспективами, так как давно начали искать выход из нелегких и запутанных обстоятельств нашей современной жизни. Ни для кого ведь не секрет, что жизнь человека по всем статьям зашла в тупик. Мы пропадаем, катимся в пропасть, все общепринятые нормы жизни и ее процессы все время утяжеляют бремя, которое влачит человечество. Тупик идеала, тупик экономики, тупик морали и нравственности, закона и порядка, политики, культуры, воспитания и педагогики. Какую область жизни ни возьми, везде тупик и безнадега» (с. 11-12). «Мы вырываем из цельного организма планеты разрозненные и встроенные в очень сложные и тонкие процессы взаимоотношений элементы материи и лепим из них выгодные нам сочетания, совершенно игнорируя все последствия подобных разрывов. Потому практически все, что человек создает своими мозгами и руками, обречено умереть. Потому-то мы и вынуждены изобретать все более изощренные технологии для продления “жиз-

вав функции экопоселений (инфраструктурная, образовательная, культурно-рекреационная, информационно-просветительская, экологическая и противопожарная) и обозначив последовательность их реализации публичной властью (первостепенные — инфраструктурная и культурно-рекреационная), автор, по сути, отказывается формулировать рекомендации, отмечая отсутствие единого критерия успешности поселений родовых поместий — «она складывается из огромного множества факторов и исходных условий» (с. 158).

Прекрасные и правильные, но малореализуемые рекомендации даны и по итогам рассмотрения на региональных кейсах негативных последствий укрупнения сельских поселений, которое не ре-

ни” наших мертворожденных детищ, продолжающих сыпаться и рушиться, несмотря на все наши ухищрения... Начав с неверного первого шага, мы продолжаем все дальше заводить себя в тупик, накапливая и громоздя в своей судьбе последствия, обрекающие нас на гибель» (с. 19). «Вот перед нами совокупный образ современного горожанина: полубольного-полудзорового, истерзанного созданной им же самой средой обитания, отравленного неполноценной едой и водой, разъедаемого нездоровыми и искаженными чувствами и страстями, переполненного сумбуром недостойных и навязанных этой же средой мыслей и образов, несущего в себе весь этот ад и медленно бредущего к уготованному самим же собой концу где-то между 50 и 70, в лучшем случае, а то и раньше» (с. 28). «Суть проекта “Родовое поместье” сводилась к тому, что современный человек должен вновь вернуть себе родину, т. е. такое место на земле, где соединятся все планы его бытия, и в полноте их он обретет истинное счастье, вспомнит самого себя, проснется, очнется от колдовских чар, навешанных ему фальшивыми внушениями искусственных миров, и вновь станет истинным хозяином своей жизни, способным в радости и совершенстве претворять замыслы Творца... Для осуществления данного проекта надо было выполнить несколько условий. Во-первых, найти наиболее подходящее МЕСТО, где можно было бы чувствовать себя наиболее комфортно и легко. Суметь взять в этих краях землю размером не менее одного гектара... И отношение к ней должно быть благоговейным и предельно бережным, как к самому дорогому и любимому живому существу... Кроме земли необходим еще и круг ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ, разделяющих подобное отношение... и общее понимание проекта и готовых, возрастая над собой и своими теперешними ограничениями, искать новых путей и решений... По сути, данный проект представляет собой первую серьезную попытку человека... создать УСТОЙЧИВУЮ РУКОТВОРНУЮ ЭКОСИСТЕМУ» (с. 34-36). «Самое значимое свойство, главный потенциал, который хранится и ждет своего раскрытия в проекте, — это ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ, жизнь, построенная в гармонии на своей малой родине» (с. 53). «Решений, очевидно, будет если и не по числу участников, то, несомненно, много, и именно это множество вариантов и подходов разовьет проект в полноценную жизнеспособную форму новой жизни. Очень важно начать искать свое решение, свой ключ к проблеме, объединяя усилия с теми, кто солидарен с тобой, и внимательно присматриваясь к иным вариантам и подходам, развивающимся рядом и параллельно. И упаси нас Бог от шаблонов и единообразия» (с. 243).

шает и свою основную задачу — бюджетной экономии: уменьшение дотаций и доходной базы, дублирование функций, сокращение инфраструктуры, отдаление власти от населения и снижение доступности услуг, отток трудоспособного населения и социальное недовольство (с. 208). Вряд ли ситуацию могут принципиальным образом изменить рекомендации региональным и муниципальным властям «анализировать уже произошедшие укрупнения и проводить объединения только после комплексной экспертизы... необходимых преобразований и их возможных последствий» (у региональных властей редко возникает такое желание, а у муниципалитетов нет такой возможности даже при всем желании), а объединенным поселениям — «повышать доступность услуг... сохранять социальные учреждения и повышать количество рабочих мест» (они бы с удовольствием это делали, но не имеют объективных возможностей) (с. 209). Столь же идеалистично-утопичны предложения «обеспечить условия, в которых жители будут организовывать снабженческо-сбытовые кооперативы при ЛПХ» и развивать «инновационную платформу сбыта в Интернете, например, виртуальный рынок купли-продажи продуктов ЛПХ» (с. 296).

И, наконец, как в любом сборнике, в книге опубликованы разные по «качеству» тексты. Скажем, если на примере конкретных поселений родовых поместий последовательно и обоснованно охарактеризованы практики самоорганизации и управления и выделены «факторы, влияющие на масштаб и эффективность самоорганизации и функции публичной власти, которые чаще всего берут на себя поселенческие сообщества» (с. 8), или на примере Приморского края подробно и обстоятельно прописаны элементы комплексной оценки возможностей и угроз, с которыми сталкиваются приграничные территории, то убедительно систематизировать «факторы, определяющие сельские хозяйственные уклады», на основе изучения экономических стратегий жителей деревень в Удмуртии, Республике Алтай и Приморском крае все же не удалось, как и показать, в каких сочетаниях «природно-географические, историко-культурные и административные факторы определяют региональные различия в укладах» (с. 10). Возможно, следовало бы отказаться от словосочетания «сельскохозяйственный уклад» и работать с понятием «экономическая стратегия» или же опираться на комплексные исследования, предлагающие исторически развернутые и фактуально насыщенные описания различных укладов в российском обществе⁵. Категориальный аппарат модели многоукладности привлекателен тем, что позволяет совмещать макрооптику (факторы) и микроподход (повседневные практики), но пока в статье он не очень сочета-

5. См., напр.: Многоукладность России (2009): исторические корни, состояние и перспективы / Отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М.: Институт экономики РАН.

ется с выбранным концептуальным фреймом и аналитическими общими полевыми данными.

Объединяет статьи сборника имплицитный рефрен тотальной непродуманности государственных решений (прежде всего с практической точки зрения), который легко считывается из фрагментов интервью с информантами, постоянно подчеркивающими, что если у них что-то и получается в рамках государственных программ, то скорее не благодаря, а вопреки их декларациям и нормам: «государство пока ничем нам не помогло, слава богу, хоть не мешает» (с. 78); «плюсы нашей родины в том, что мы можем нарушать правила; пока что власти закрывают на это глаза, но неизвестно, что будет дальше» (с. 81); «такое ощущение, что пускают пыль в глаза, а на самом деле все делают для галочки» (с. 90); «логика и законы — это разное, в программе “Дальневосточный гектар” по логике многое должно быть не так, как на самом деле» (с. 91); «льготы эти на бумаге, а на самом деле нам никто ничего, никаких льгот нет» (с. 280) и т. д. Дополняет этот рефрен тема недоверия к представителям власти, например, «работники администраций не помощники гектарщикам, а хищники/мафия», для них гектарщики — «это шум и лишние хлопоты» (с. 80); или «основная рекомендация по корректировке освещения темы преобразования муниципальных образований в СМИ» — дополнить «общие фразы региональных властей об успешных примерах объединений... мнением жителей соответствующих районов — населению легче поверить таким же людям, как они, чем губернатору» (с. 187).

Отдельные утверждения авторов носят избыточно оценочный характер: например, «чаще всего сельскую местность обсуждают с точки зрения агропромышленного комплекса, однобоко» (неверно), «государство по большей части ушло из деревень, и тема деревни не интересует российское общество» (все не столь однозначно) (с. 266). Иногда оценочности, напротив, недостаточно: скажем, вряд ли «архаичные и традиционные промыслы обеспечивают населению экономическую и социальную стабильность» (с. 272), а «жители северных труднодоступных сел комбинируют несколько видов “теневых подработок”, чем обеспечивают себе безбедную жизнь» (с. 275) — скорее речь идет о выживании. Некоторые утверждения слишком схематичны и потому некорректны: например, что «три наиболее значимых ученых, повлиявших на развитие крестьяноведения в России, — А. В. Чаянов, Т. Шанин и Дж. Скотт» (с. 267). Безусловно, все трое внесли неоценимый вклад в междисциплинарное предметное поле, связанное с изучением сельской жизни, но все же список российских и зарубежных «отцов-основателей» крестьяноведения значительно шире, и вряд ли Скотт и Чаянов назвали бы себя крестьяноведами и создателями теории «моральной экономики».

Несмотря на традиционные для текстов начинающих авторов недочеты, для представителей сельской (и не только) социологии

И. В. Троцук
Новый взгляд
на старые про-
блемы российской
периферии

сборник — бесспорное свидетельство того, что в деятельное решение проблем российской периферии готовы включиться концептуально подкованные, методически грамотные и неравнодушные молодые исследователи, уважающие повседневную «экспертность», задающие правильные вопросы (например, «почему распространенное идеологическое движение поселений родовых поместий, состоящее из мигрировавших жителей городов, так и не сумело повсеместно построить успешную модель самоорганизации и управления ресурсами?») и готовые слышать и предоставлять «право голоса» низовым социальным акторам. Пока статьи несколько идеалистичны, но тем самым они оптимистично диссонируют с депрессивно-апокалиптическими описаниями будущего сельской России и внушают надежду на ее сохранение.

A new look at the old problems of the Russian hinterland

Review of the book: From Family Homesteads to the Far Eastern Hectare: Non-Trivial Issues of Public Administration and Municipal Government. Moscow: Khamovniki Foundation for the Support of Social Research; Common Place, 2021. 312 p.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru